

УДК 82-7+82.091

И. А. НИКОЛАЕВА¹

ФАБУЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ДОБРА И ЗЛА В ПРИТЧЕ ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА «КРОЛИКИ И УДАВЫ»

Показывается универсальный, философский смысл притчи Фазиля Искандера «Кролики и удавы», её выходы за пределы социальной сатиры, индифферентно изображающей разные формы тоталитаризма XX века, включая отечественный.

Ключевые слова: народ, власть, индифферентное, сатира, ирония, притча, Джордж Оруэлл, Редьярд Киплинг.

«Кролики и удавы» — одно из лучших, задушевных и хитроумных, но одновременно весьма жёстких произведений Фазиля Искандера. В нём писатель представил нам особый шифр общих начал жизни. Без него мы теряем навыки запоминания и узнавания самих себя.

Притча «Кролики и удавы» была написана в 1970-х годах, но свет увидела вначале за рубежом (журнал «Континент». 1980. № 22–23). Для жителей нашей страны она стала общедоступна только в 1987 году, после публикации в журнале «Юность» (№ 9), в пору, когда истончавшийся «железный занавес» переставал удерживать в заложниках сознание интеллигенции, освобождавшейся от физического страха и идеологического отчаяния.

Уже тогда интерес к этой притче был значительным, однако у читателя той поры он скорее был смешан с впечатлениями от перестроечной гласности, а у критиков сработало то, что можно было бы назвать инерционным восприятием. «Кроликов и удавов» воспринимали как литературное индифферентное, восходящее к социальной сатире, или как скрытую под маской притчи сатиру политическую, антиутопию, где «кролики и удавы» — метафора реальных общественных отношений. Вероятно, в те времена митинговой демократии привлекала и органическая сценичность «Кроликов и удавов», по сути, театральной феерии: выразительнейшие монологи и диалоги, пластичные, чёткие мизансцены.

Но лейтмотивом литературной аналитики становилось восприятие «Кроликов и удавов» в качестве «печального документа советской эпохи», за описанными событиями виднелись реалии жизни в XX веке, а изображаемая

¹ Ирина Александровна Николаева — философ, преподаватель философии и культурологии (Москва, Российская Федерация); solvergi@yandex.ru

ситуация связывалась с «Фермой животных» Дж. Оруэлла. В силу этого пронизанное мудрой иронией произведение Искандера могло показаться даже вторичным. Его блеск и его горечь, продуманные автором композиционная структура, философский подтекст повествования и, наконец, череда «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» уходила в тень.

Однако сегодня очевидно, насколько был хитроумен замысел Фазиля Искандера, воплотившийся в притчу о судьбах власти и культуры.

Ирония и её меняющиеся интонации придали притче как иносказательному нравоучению новое дыхание. Жанр притчи оказался необходимым Искандеру не для иносказательной критики, не для огульного отрицания и порицания всего пережитого народом и страной в XX веке. Притча нужна ему для того, чтобы напомнить нам об утраченном пути и заблудших людях.

Под пером Фазиля Искандера притча словно возвращается к этимологическому источнику самого слова: «притча» происходит от корня -течь- (идти) или -ткнуть- (встретиться), а значит, служит сопровождению человека в пути, или, как это видится уже самому Фазилю Искандеру, рассказом о том, что сокращает и что удлиняет пути человека к истине и свободе.

Как видно, Искандеру, писателю, чьи размышления восходят к смыслам истории и жизни, эта жанровая форма представляется особенно необходимой в ситуации безвременья и неопределённости дальнейших путей человеческого бытия. Очень часто притча предлагает слушателю, читателю перенести себя в ситуацию, представленную её фабулой, для того чтобы научить его искать смысл происходящего, делать выбор и постигать содержание добра и зла, предложенного не к разоблачению, а мудрому постижению.

Так «кролики и удавы» становятся не прямой и ядовитой критикой отношений политических противников, а именно метафорой — смешной и грустной, назидательной и точной, метафорой сложнейших взаимосвязей биологического и исторического, социального и культурного, метафорой всех, собранных в клубок, противоречий практического рассудка и одухотворённого разума, а в конечном итоге — литературной метафорой концепта непротивления злу.

Рождается основной вопрос притчи о «кроликах и удавах», её актуальная идея: почему этическое начало, этическое призвание человека не вмещается в тот порядок отношений власти и культуры, который устроен и освоен разумом? Где их взаимодействия дают сбой и превращают нас в кроликов и удавов?

Вопрос этот восходит к проблемам жизни и мира, и притча о «кроликах и удавах» метафорически связывает его с опытом интеллигенции, не всегда делающей выбор в пользу основного постулата Задумавшегося: «если мудрость не может творить Добро, то она, по крайней мере, должна удлинять путь к Злу», и её судьбами, часто зависящими, как показывает опыт, от величины «производительной силы удавов».

Порядок, царящий в Джунглях, поддерживается обновлением технологии подчинения и страха. Различив эту трагическую линию в притче, мы начинаем осознавать метафизические глубины бесстрашия Задумавшегося и очевидной трусливости Возжаждавшего, то, что потом обернется нарочито простецким заявлением неуловимого крольчонка: «Цветной капусты хотца...».

Метафорические стратегии повествования позволяют раскрыть, как Королю кроликов, полагающемуся на своё терпение, минуяшему колкие шпильки Королевы и останавливающему пылкую и самоуверенную жестокость Начальника Охраны, удаётся удерживать власть. С другой стороны, они же демонстрируют нам всю подноготную Удавов и их Великого Питона, способных к выживанию в Джунглях только за счёт изобретения ради пропитания новых технологий охоты и новых видов тренировок своих мускулов...

Важно, что здесь нет сосредоточенности на драме воспитания, как в бессмертном «Маугли» Киплинга, хотя, конечно, опыт и испытания европейской культуры, обретенные в XX столетии, учтён Искандером, и это произведение можно воспринимать уже как новую трансформацию темы родного и вселенского, столь близкой всем его размышлениям. «Кролики и удавы» — не об идеях, а о действиях добра и зла в нас самих, об очевидном и неочевидном зле, о путях сопротивления и поисках противоядия страху и бездействию. О том, как не растерять заложенный в нас дар исторической, а не только биологической жизнедеятельности.

Искандер находит для этой двойственной «фабулы жизни» форму ироничной притчи, а литературная фабула служит отражением его давних афористических размышлений о сложных взаимоотношениях человека с реальностью добра и зла:

«Зло может со стороны внезапно войти в человека, и он, не успев опомниться, совершает злодейство. Тогда в чём же он виноват? Он виноват в том, что ему была дана вся жизнь, чтобы не оставлять в душе свободного места для зла. Но он осторожно придерживал свободное место, не давая добру заполнить его, и это место в конце концов заняло зло. Не давал добру расширяться, и в этом был его сознательный грех».

На это же указывает и эпилог «Кроликов и удавов». Он выводит читателя за пределы литературного вымысла и возвращает его из Джунглей в человеческий мир. Этот приём позволяет автору рассказать, как пылливо и настойчиво он искал научное подтверждение теории Задумавшегося Кролика. И в конце концов, сталкиваясь с инерцией невнимания к сути, брезгливостью и вполне понятными страхами, с большим трудом это подтверждение нашёл.

Этот авторский приём сам по себе предлагает читателю не только осознать ценность поисков истины и цену мировоззренческих ошибок. Он ведёт читателя к утешению, хотя чувствуется, что для самого автора это утешение остаётся слабым. Ибо он напоминает в эпилоге о том, что «Задумавшемуся приходилось на собственной шкуре доказывать свою правоту». И это как будто лучшее из утешений: по крайней мере эпилог обнаруживает и утверждает достоверность, которую трудно опровергнуть, хотя автор и относит её к «далёким временам», для которых подвиг самопожертвования ещё оставался подвигом, без которого высший смысл жизни теряет свои корни в действительности.

Поэтому столь обнадеживающе звучит в эпилоге авторское сравнение суждений двух по-разному заинтересованных в решении судьбы несчастных Кроликов и технологически оснащённых Удавов: мрачнейшего слушателя этой истории и слушателя горячего и оптимистично настроенного. Автор предпочтёт в эпилоге «Кроликов и удавов» мрачного слушателя! Ибо он

трезво оценивает ситуацию и точно знает, о чём говорит: непротивление ума всегда оставляет свободное место Злу, и именно такая внешняя форма свободы может окончательно погубить «кроликов», и особенно в том случае, если их цели ограничатся приспособлением к действительности. Невидимый глазу Закон Джунглей их не пощадит!

© И. А. Николаева